

**ЗА КУЛИСАМИ НАРКОМИНДЕЛА
(СЕРЕДИНА 1930-Х ГОДОВ).
К ВЫХОДУ В СВЕТ ПУБЛИКАЦИИ
DEUTSCHLAND UND DIE SOWJETUNION 1933–1941.
DOKUMENTE AUS RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN ARCHIVEN
(2019)**

Карола Тишлер —

доктор философии (Ph.D.),
научный сотрудник,
Институт современной истории,
Мюнхен — Берлин
Почтовый адрес: Леонардштрассе, 46b,
Мюнхен, 80636, Германия
Электронный адрес: carola.tischler@diplo.de

Аннотация

Изучение международных отношений в современной исторической науке более не ограничивается дипломатическими связями, но также включает в себя экономическое и культурное сотрудничество. Другой фактор, который не следует упускать из виду — это сами люди, личности, которые определяли политику. Статья посвящена этому кругу проблем в контексте германско-советских отношений в 1930-е годы, как в центре, в Москве, так и в советском представительстве в Берлине. В основу положены архивные материалы, выявленные и опубликованные в рамках документального проекта «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов», осуществляемого под патронатом Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Методологической основой послужили работы западных историков. Документы раскрывают функционирование одного из важнейших инструментов внешней политики — дипломатического аппарата Советского Союза и Германии. В документах второго тома освещается деятельность сотрудников Народного комиссариата иностранных дел, занимавшихся советско-германскими отношениями, внутренняя жизнь советского полпредства в Берлине и работа центрального аппарата в Москве. На основе внутриведомственной переписки сотрудников Наркоминдела, их информационных записок, а также впечатлений немецких дипломатов можно составить мнение об уровне компетентности по крайней мере некоторых советских дипломатов. В целом, благодаря введению в научный оборот большого массива документов из российских и германских архивов, историки разных стран смогут проводить исследования по весьма широкому кругу вопросов, связанных с международными отношениями 1930-х — начала 1940-х годов, чрезвычайно важных для понимания причин и механизмов, приведших ко Второй мировой войне.

Ключевые слова

Советско-германские отношения, полпредство СССР в Берлине, аппарат дипломатической миссии

Статья поступила в редакцию 6 мая 2020 г.

Цитирование: *Тишлер К.* За кулисами Наркоминдела (середина 1930-х годов). К выходу в свет публикации *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven* (2019) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 59–72.

**BEHIND THE CURTAINS
OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR FOREIGN AFFAIRS
IN THE MIDDLE OF THE 1930S.
ON THE EDITION *DEUTSCHLAND
UND DIE SOWJETUNION 1933–1941*.
DOKUMENTE AUS RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN ARCHIVEN
(2019)**

Carola Tischler,

Ph.D., Researcher,
Institute of Contemporary History,
Munich — Berlin
Postal address: Leonrodstraße 46b,
München, 80636 Deutschland
E-mail: carola.tischler@diplo.de

Abstract

Research on international relations today is no longer limited to diplomatic contacts but also includes economic and cultural ties. Another factor that should not be neglected is the people themselves; the personalities who shaped politics. This text focuses on those concerned with German-Soviet relations in the 1930s, both at the “centre” in Moscow and at the Soviet plenipotentiary representation in Berlin. This article deals with this range of problems against the background of Soviet-German relations in the 1930s both in the Kremlin and in the Soviet mission in Berlin. The article is based on archival materials discovered and published in the framework of the edition project “Germany and the USSR 1933–1941” pursued under the aegis of the Joint Commission on the Study of Contemporary History in Russian-German Relations. The methodological guidelines are borrowed from the works of Western historiography. The documents under scrutiny shed the light on the functioning of one of the primary foreign-political instruments — the diplomatic corpus of the Soviet Union and Germany. In the documents published in Volume 2, three main areas of the People’s Commissariat for Foreign Relations’ (Narkomindel) functioning are covered: the personnel responsible for the Soviet-German relations, the inner life of the Soviet mission in Berlin, and the work of the central apparatus in Moscow. On the basis of the interdepartmental correspondence of the Narkomindel staff, their memoranda, and the impressions of the German diplomats, one can get an impression of the level of professionalism of at least some Soviet diplomats. In summary, owing to the publication of such a large amount of documents from the Russian and German archives, historians from different countries can now pursue research on a wide range of problems related to the international relations of the 1930s and early 1940s, which is extraordinarily important for understanding the causes and mechanisms which led to World War Two.

Keywords

Soviet-German relations, the USSR diplomatic mission in Berlin, personnel of the diplomatic mission

Received 6 May 2020.

How to cite: Tischler, K., 2020. Za kulisami Narkomindela (seredina 1930-kh godov). K vykhodu v svet publikatsii *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven* (2019) [Behind the Curtains of the People’s Commissariat for Foreign Affairs in the middle of the 1930s. On the Edition *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven* (2019)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 59–72.

В январе 1928 г. в Берлине по предложению Германского общества по изучению Восточной Европы прошла «Русская историческая неделя». В ходе осуществляемых в ее рамках мероприятий один из ведущих советских историков того времени М.Н. Покровский (1868–1932) сообщил об издании в СССР официальных документов из архивов императорского и Временного правительств с целью разоблачить империалистический характер политики царской России и возложить на нее частичную вину за развязывание Первой мировой войны. Это намерение совпадало со стремлением немецких историков опровергнуть единоличную ответственность Германии за начало войны. Так в 1930 г. возникло сотрудничество между немецкими и советскими историками, в результате которого многотомное издание вышло в свет как на русском, так и на немецком языках. Сотрудничество продолжилось и после того, как Гитлер захватил власть в 1933 г.¹ Более того, даже нападение Германии на Советский Союз не помешало выходу в Германии в 1943 г. последнего тома².

После Второй мировой войны западные историки из стран — союзников СССР по антигитлеровской коалиции и их советские коллеги также очень быстро приступили к реализации замысла, связанного с публикацией официальных документов, раскрывающих причины Второй мировой войны. Тем не менее споры о причинах как Первой, так и Второй мировых войн, несмотря на обилие доступных источников, продолжают и поныне. Юбилейные годы, похоже, только подстегивают дискуссии на эти темы. И хотя предыстория Второй мировой войны не исчерпывается германо-советскими отношениями, во многом именно они оказали серьезное влияние на ход последующих событий в мире. Целостное исследование этой проблемы европейского масштаба невозможно без всестороннего изучения и понимания развития отношений между Берлином и Москвой на протяжении 1930-х годов³.

¹ Недавно скончавшийся профессор Дитмар Вульф (1955–2020), приглашенный преподаватель Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, представил подробное описание этого сотрудничества после 1933 г. См. *Вульф Д. О сотрудничестве немецких и советских историков в годы национал-социалистической диктатуры в Германии. Размышления на базе новых документов // Международный диалог историков. Россия и Германия: опыт межкультурного взаимодействия. 1990–2020: материалы Международной научной конференции (г. Липецк, 24–25 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н.Э. Вашкау. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 76–93.*

² См.: *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917 гг. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931–1938. Сер. 3. Т. 1–10; М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938–1940. Сер. 2. Т. 18–20. На немецком языке документы опубликованы под названием: *Die internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus. Dokumente aus den Archiven der Zaristischen und der Provisorischen Regierung. Berlin: Steiniger, 1931–1934. Reihe 1. Bd. 1–5; Berlin: Steiniger, 1934–1936. Reihe 2. Bd. 6–8; Berlin: Steiniger, 1939–1943. Reihe 3. Bd. 1–2, 4. Нумерация серий и томов в советском и немецком изданиях, а также годы издания отдельных томов не совпадают.**

³ См.: *Ватлин А.Ю. Германская дипломатия и «немецкая операция» НКВД 1936–1938 годов // Российская история. 2013. № 1. С. 180–204; Роцин А. НКВД в 30-е годы // Ди-*

Серьезную поддержку этим исследованиям может оказать и осуществляемый под патронатом Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений⁴ проект «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов»⁵. Помимо материалов по внешнеполитическим вопросам, позволяющих судить также о европейских международных связях, издание содержит большое количество документов, касающихся важных составляющих внешней политики (экономики, военного потенциала, разведывательной и контрразведывательной деятельности, а также культурных и научных связей)⁶. Документы показывают работу одного из важнейших инструментов внешней политики — дипломатического аппарата⁷ обоих государств. Центральное место среди документов, опубликованных во втором томе упомянутого проекта, занимает делопроизводство Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдела)⁸. В документах освещается деятельность людей, занимавшихся советско-германскими отношениями, внутренняя жизнь полпредства в Берлине и работа центрального аппарата в Москве⁹. Конечно, эти сферы пересекаются, но для более ясного понимания их роли в отношениях между Германией и СССР я анализирую их последовательно.

Дипломаты Наркоминдела и Германия. Главные действующие лица с советской стороны – это, несомненно, народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов (1876–1951)¹⁰ и его первый заместитель Н.Н. Крестинский

пломатический ежегодник / отв. ред. С.К. Романовский. М.: Международные отношения, 1995. С. 195–212.

⁴ Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений [сайт]. URL: <https://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru> (дата обращения: 29.03.2019).

⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven (далее — Deutschland und die Sowjetunion) / hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. München: De Gruyter, 2014; 2019. Bd. 1–2.

⁶ О методологических аспектах изучения истории международных отношений см.: *Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus // *Geschichte und Gesellschaft*. 2001. Н. 4. S. 394–423.

⁷ *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. / пер. с фр. Э.М. Кустовой. М.: РОССПЭН, 2009.

⁸ *Knoll V.* Das Volkskommissariat für Auswärtige Angelegenheiten im Prozeß außenpolitischer Entscheidungsfindung in den zwanziger und dreißiger Jahren // *Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik* / hrsg. von L. Thomas, V. Knoll. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 73–155; *Kocho-Williams A.* Russian and Soviet Diplomacy 1900–39. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave-Macmillan, 2012.

⁹ См.: *Соколов В.В.* Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 годы // *Новая и новейшая история*. 2006. № 2. С. 102–121.

¹⁰ *Шейнис З.С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Издательство политической литературы, 1989; *Соколов В.* Наркоминдел Максим Литвинов // *Международная жизнь*. 1991. № 4. С. 107–122; *Dullin S.* Litvinov and the People's Commissariat of Foreign Affairs: the Face of an Administration under Stalin, 1930–39 // *Russia in the Age of Wars 1914–1945* / ed. by S. Pons, A. Romano. Milano: Feltrinelli, 2000. P. 121–146.

(1883–1938)¹¹. Имя Крестинского упоминается в двухтомнике чаще, чем наркома, поскольку он регулярно бывал на заседаниях Лиги Наций в Женеве. Заведующим 2-м Западным отделом, в сферу деятельности которого входили государства Центральной Европы и Балкан, с 1931 г. был Д.Г. Штерн (1900–1937). Его помощник Ф.В. Линде в январе 1936 г. стал советником полпредства СССР в Дании. Вместо него помощником Штерна был назначен В.Л. Левин, который до этого работал референтом по Германии. В Берлине советником полпредства с середины 1933 г. служил С.А. Бессонов (1892–1941)¹². Полпред в Берлине Я.З. Суриц (1882–1952)¹³ вступил в должность в октябре 1934 г., а в апреле 1937 г. был переведен в Париж. Новым 1-м секретарем полпредства в феврале 1935 г. стал родившийся в Дрездене Е.А. Гнедин (1898–1983)¹⁴, сын Александра Парвуса-Гельфанда, который скончался в Берлине в 1924 г. Опыт дипломатической службы Гнедин приобрел уже в 1920-е годы. Приходилось ему работать и журналистом, поэтому в Берлине он был назначен заведующим Отделом печати. Еще один первый секретарь полпредства, А.В. Гиршфельд (1897–1962), в публикуемых документах — на заднем плане: в сентябре 1935 г. он был переведен в Кёнигсберг на место генерального консула. Затем должность первого секретаря полпредства на протяжении почти целого года занимал Н.Г. Поздняков (1900–1948).

Важнейшим кадровым изменением в период, которому посвящен второй том издания (январь 1935 г. — апрель 1937 г.), стало назначение Д.В. Канделаки (1895–1938) новым главой советского торгпредства в Берлине. Однако это ведомство было подчинено Наркомату внешней торговли, так что я оставляю его в стороне, равно как и К. Радека (1885–1939), который заведовал Бюро международной информации (БМИ), просуществовавшим до конца 1936 г.

Все вышеназванные лица, за исключением Литвинова и Сурица, а также двух первых секретарей полпредства — Гиршфельда и Позднякова, были репрессированы¹⁵. Именно в этом кроется одна из причин, почему так мало известно о деятельности сотрудников среднего звена Наркоминдела и его периферийного аппарата.

Уже во время работы над первым, а затем и над вторым томом, стало очевидно, сколь высока была профессиональная квалификация Д.Г. Штерна. На основании его переписки и записей в служебном дневнике можно су-

¹¹ Соколов В.В. Н.Н. Крестинский — революционер, дипломат (1883–1938) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 120–142.

¹² Bürgel M. Als trotzkistischer Verschwörer an der sowjetischen Botschaft in Berlin: der “Bucharinist” Sergej Bessonov und der dritte Moskauer Schauprozess // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2016. S. 57–74.

¹³ Сизоненко А.И. Полпред СССР Я.З. Суриц // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 100–117.

¹⁴ Гнедин Е.А. В Наркоминделе. 1922–1939 // Память. М.; Париж: La Presse Libre, 1981–1982. Вып. 5. С. 354–396.

¹⁵ См., например: Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 167–183.

дить о том, насколько точно он анализировал политику Германии. Должно быть, он приобрел обширные знания, когда с 1928 по 1931 г. заведовал Отделом печати полпредства в Берлине. Даже те немногие биографические данные о Штерне, которыми мы располагаем, почерпнуты исключительно из архивных документов. Он родился в 1900 г. в Бессарабии в семье врача. Не окончив университет, сначала работал в ГПУ, затем в разных советских торгпредствах, а с 1931 г. — в центральном аппарате Наркоминдела. Уже больной туберкулезом, в мае 1937 г. он был арестован в больнице и через некоторое время умер в тюрьме после объявленной в знак протеста голодовки.

На основе внутриведомственной переписки сотрудников Наркоминдела, их информационных записок, а также впечатлений немецких дипломатов можно составить мнение об уровне компетентности по крайней мере некоторых советских дипломатов (М.М. Литвинова, Н.Н. Крестинского, Я.З. Сурица, Д.Г. Штерна, С.А. Бессонова, Б.Д. Виноградова (1903–1938), Е.А. Гнедина и некоторых других), а также судить, кто в беседах с немцами (например, Крестинский) вел себя, как правило, осторожно, какие отношения существовали между сотрудниками, например, между Литвиновым и Сурицем или Штерном и Бессоновым. В обоих случаях они, хотя и различались, были, несомненно, дружеские. Прочитую здесь отрывок из письма Бессонова Штерну от 5 апреля 1935 г., характеризующий доверительный характер отношений обоих дипломатов: «Ходят слухи относительно того, что немцы собираются заменить полицию в демилитаризованной зоне рейхсвером. Так как я знаю, что ты не особенно веришь слухам, то сообщая тебе это просто для очистки совести»¹⁶.

Полпредство СССР в Берлине. Поскольку в распоряжении разработчиков документального проекта находилась только переписка между полпредством и Наркоминделом, а внутренние документы полпредства были недоступны, это сводит к минимуму информацию об отношениях между дипломатами в самом полпредстве в Берлине. Правда, о профессиональных качествах того или иного дипломата сведения можно почерпнуть из сопоставления их отчетов о контактах с представителями разных германских ведомств с соответствующими отчетами немецких дипломатов, представителей деловых и военных кругов.

Опубликованные документы также показывают, что как советское полпредство в Берлине, так и германское посольство в Москве¹⁷ находились под постоянным наблюдением спецслужб, причем нередко весьма интенсивным. В ноябре 1936 г. была организована проверка документов при входе в здание полпредства в Берлине в качестве ответной меры на проверку при входе в Германское посольство в Москве. Разумеется, гестапо также

¹⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 111. S. 416.

¹⁷ Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a. Main; Berlin: Metzner, 1955.

было заинтересовано в информации о внутренней жизни полпредства. В январе 1935 г. государственная железнодорожная компания *Deutsche Reichsbahn-Gesellschaft* хотела ознакомиться с состоянием помещений полпредства, расположенных на расстоянии 50–70 м от строительства городской железной дороги. По понятным причинам сотрудники полпредства стремились по возможности предотвратить доступ в любые помещения на территории, обладавшей экстерриториальным статусом. Как показал позже другой инцидент, на самом деле существовала опасность, что в здание могут проникнуть нежелательные лица. В марте 1937 г. гестапо попыталось в рамках проверки, проводимой местной больничной кассой, направить в торгпредство в Берлине своего сотрудника. Однако МИД Германии выразил несогласие с этим планом, поэтому можно предположить, что он не был осуществлен. Уязвимым местом во внутренней жизни полпредства, особенно в условиях резкого обострения двусторонних отношений, было наличие среди технического персонала подданных Германии. В издании представлено сообщение о звонке из полиции на служебный номер телефона служащему полпредства с очень распространенной фамилией Шмидт (по этой причине найти более детальные сведения об этом человеке не представляется возможным) и о его попытке скрыть содержание разговора, так как при этом присутствовал советский сотрудник. Немецкие документы, содержащие информацию о наблюдении за полпредством, свидетельствуют, что гестапо было слабо информировано о его внутреннем распорядке. Тем не менее в полпредстве были убеждены (в данном случае в лице управляющего делами полпредства Я.М. Магалифа), что «абсолютно все немецкие служащие в той или иной мере связаны с полицией»¹⁸. В этой связи, как свидетельствуют представленные документы, безотлагательной стала необходимость замены всех служащих — подданных Германии подготовленными советскими гражданами. Это оказалось совсем не простой задачей, особенно в атмосфере нараставшей подозрительности и недоверия в СССР.

С одной стороны, было приложено немало усилий, чтобы создать как можно более изолированную систему внутренней жизни полпредства, но, с другой, — в круг непосредственных служебных обязанностей дипломатов входили постоянные контакты с представителями разных социальных кругов. Организованные в самом полпредстве мероприятия позволяли совместить это общение с культурной политикой СССР. Например, в марте 1936 г. полпредство провело своего рода «культурную неделю», пригласив на нее более широкий круг лиц, чем обычно на разных приемах: состоялось несколько кино вечеров с отрывками из последних советских художественных и научно-популярных фильмов; для военных кругов отдельно был организован показ документального фильма «Битва за Киев», посвященного

¹⁸ См. письмо Я.М. Магалифа Н.Н. Крестинскому, 19 февраля 1936 г. // *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 390. S. 1057.*

осенним маневрам Киевского военного округа осенью 1935 г. Кроме того, с концертом выступили скрипач Давид Ойстрах (1908–1974) и пианист Григорий Гинзбург (1904–1961). Во втором томе документов опубликованы два отчета сотрудников полпредства об этих мероприятиях. В одном из них советник Бессонов писал: «В общем, получилось, что в течение двух недель грозный призрак “советской культуры” в той или иной форме начал гулять по Берлину, и никакие приказы здесь не помогут. Подводя итоги, мы можем сказать, что эти три вечера оставят серьезный след на настроениях и быть может мнениях многих из берлинцев»¹⁹. Конечно, справедливость этих выводов невозможно было проверить ни тогда, ни тем более сейчас. Тем не менее отчеты позволяют получить некоторую важную информацию: какие фильмы были отобраны для пропаганды советской культуры, кто из посетителей вечеров был отмечен особо, кто из сотрудников МИД и дипломатов других стран посетил в эти дни полпредство, а кто избегал этого.

Центральный аппарат Наркоминдела в Москве. Что касается схожести методов работы дипломатов, то это в определенной степени относится и к их работе в центрах принятия решений обоих государств. Однако есть одно отличие, на которое хотелось бы обратить внимание. Выше уже шла речь о том, как гестапо пыталось оказывать влияние на некоторые стороны деятельности МИД Германии, но в 1935–1937 гг. всё еще обращалось с запросами и учитывало позицию внешнеполитического ведомства. В СССР было иначе: Наркоминдел занимал подчиненное положение в отношениях с НКВД, хотя ему, как и МИД Германии в отношении советского полпредства, удавалось обеспечивать экстерриториальность германского посольства во избежание международного скандала. Всё более частые аресты, в том числе иностранных граждан, создавали серьезные проблемы в деятельности Наркоминдела. Его сотрудники, как правило, не получали своевременно от НКВД никакой информации об этих фактах и в ходе встреч с немецкими дипломатами оказывались в весьма затруднительном положении. И всё-таки время от времени Наркоминделу удавалось достигать хотя бы временных компромиссных решений. Так, например, в случае, когда НКВД собрался арестовать главу московской евангелическо-лютеранской общины пастора Штрека и сторожа Германского посольства Шульца (оба — советские граждане), что формально не создавало каких-либо проблем для Наркоминдела, Крестинский тем не менее обратился к Сталину со следующим предложением: «НКВД не возражает против этих арестов, но полагает, что прежде чем приступить к ним и, в частности, к аресту пастора Штрекера²⁰, необходимо довести до сведения советской и заграничной общественности о той большой контрреволюционной работе, которая ведется немцами по

¹⁹ Письмо С.А. Бессонова Д.Г. Штерну, 17 марта 1936 г. // Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 419. S. 1129. Отчет 1-го секретаря Полпредства Е.А. Гнедина о кинопросмотре, 5 марта 1936 // Ibid. Dok. 409. S. 1100–1101.

²⁰ Так в документе, правильно: Штрек (Streck).

указанию их германских центров среди немецкого населения в СССР. Если такое сообщение появится до ареста пастора Штрекера, то антисоветская кампания в заграничной прессе, в связи с этим арестом, будет затруднена»²¹. Тогда, осенью 1935 г., Сталин высказался против ареста Штрека и Шульца²². Положение сотрудников Наркоминдела осложнилось в начале 1937 г., когда в ходе второго большого показательного процесса над крупными советскими функционерами были упомянуты имена германских подданных, обладавших дипломатическим иммунитетом — военного атташе генерала Э. Кёстринга (1876–1953) и пресс-атташе посольства В. Баума как находившихся в контакте с обвиняемыми в шпионаже подсудимыми. Тогда руководство Наркоминдела было вынуждено поставить перед посольством Германии вопрос об отзыве из СССР этих двух немецких дипломатов. И это притом, что кроме показаний несчастных обвиняемых, сфабрикованных в НКВД и заученных под угрозой продолжения пыток и невыносимых страданий, следствие не располагало абсолютно никакими доказательствами причастности немецких дипломатов к инкриминируемым им действиям. Под угрозой неминуемого крупного скандала и непоправимого ущерба для советско-германских отношений требование об отзыве генерала Кёстринга вскоре было снято, по всей видимости, по указанию Сталина.

Сталин, к слову, в отличие от Гитлера²³ часто вмешивался в работу Наркоминдела, иногда по собственной инициативе, но преимущественно откликаясь на обращения руководства внешнеполитического ведомства. Причем его вмешательство не ограничивалось резолютивными пометами на том или ином документе, к сожалению, далеко не всегда доступном для исследователей. Сталин, особенно в тех случаях, которым он придавал серьезное значение, редактировал меморандумы, предназначавшиеся для вручения или оглашения высокопоставленным представителям Германии. Так, например, в апреле 1934 г. Литвинов направил Сталину проект ответа Наркоминдела на отклонение правительством Германии советского предложения о подписании Балтийского протокола, гарантирующего независимость и неприкосновенность государств Балтии. Этот ответ подвергся существенному редактированию по замечаниям и дополнениям, сделанным Сталиным²⁴, прежде чем был вручен послу Германии Р. Надольному (1873–1953)²⁵. Подвергся редакции Сталина и разработанный Литвиновым один

²¹ Письмо Н.Н. Крестинского И.В. Сталину, 29 октября 1935 г. // *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941*. Bd. 2. Dok. 266. S. 789.

²² *Ibid.* Dok. 269. S. 795.

²³ Подробнее см.: *Das Auswärtige Amt in der NS-Diktatur* / hrsg. von J. Hürter, M. Mayer. Berlin; München u. a.: De Gruyter Oldenbourg, 2014; *Kaul N. Die deutsch-sowjetischen Beziehungen im Spiegel der Deutschen Botschaft Moskau 1934 bis 1939: "Es ist hier doch immer der Teufel los!"*. S. l.: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.

²⁴ *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941*. Bd. 1. Dok. 422. S. 1145–1150.

²⁵ *Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehrer? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953* / hrsg. von W. Baumgart. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH, 2017.

из проектов текста заявления торгпреда в Германии Д.В. Канделаки для его беседы с рейхсминистром экономики Я. Шахтом (1877–1970). На Канделаки была возложена особая миссия по налаживанию отношений между двумя странами, и Литвинов опасался, что торгпред, «неискушенный в политических вопросах», может наговорить «лишнего». Сталин определенно разделял эти опасения²⁶.

Что касается работы 2-го Западного отдела, то его повседневную деятельность характеризуют многочисленные документы как первого, так и второго тома документального проекта. В качестве примера приведу небольшую зарисовку об этом из письма Штерна Бессонову от 17 марта 1935 г.: «Я вернулся из отпуска и сразу погрузился в работу, которую приходится вести в очень неблагоприятных условиях. Дело в том, что уже больше недели больны гг. Левин и Кантер, так что на Германии никого не осталось. Одновременно с этим у меня не замещены болгарская, румынская и греческая референтура, дающие колоссальное количество работы, так что, откровенно говоря, мне приходится, выражаясь мягко, тяжело. Очень благодарен тебе за присылку материалов, в особенности “Архив дер Гегенварт”. Этот архив для нас в высшей степени полезен и представляет фундаментальную ценность»²⁷. Подобного рода на первый взгляд незначительная информация содержится во многих письмах, но, будучи проанализирована в комплексе на определенном отрезке времени, она дает возможность создать целостную картину деятельности одного из важных подразделений внешнеполитического ведомства. Более того, подобная информация и, в частности, содержащаяся в приведенной цитате, напоминает историкам о том, что, исследуя большую политику государства со всеми ее сложностями и поворотами, не следует забывать и о тех конкретных людях, которые в той или иной мере были причастны к ее воплощению в жизнь.

Вкратце о некоторых выводах, которые хотелось бы сделать, обобщая сказанное выше. В представленном тексте изложены мысли, присущие западной школе исследователей²⁸, в которой очень мало специалистов по со-

²⁶ См. записку М.М. Литвинова Сталину, 5 мая 1935 г. // *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941*. Bd. 2. Dok. 142. S. 487–491.

²⁷ Письмо Д.Г. Штерна С.А. Бессонову, 17 марта 1935 г. // *Deutschland und die Sowjetunion*. Bd. 2. Dok. 85. S. 354.

²⁸ См., например: *Ericson III E.E. Karl Schnurre and the Evolution of Nazi-Soviet Relations, 1936–1941* // *German Studies Review*. 1998. Vol. XXI. N 2. P. 263–283; *Linke H.G. Schicksalsgemeinschaft? Die Sowjetunion im politischen Kalkül der deutschen Botschafter in Moskau 1922–1941* // *Stürmische Aufbrüche und Enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit* / hrsg. von K. Eimermacher, A. Volpert unter Mitarbeit von G. Bordjugov. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 163–208; *Graml H. Bernhard von Bülow und die deutsche Außenpolitik: Hybris und Augenmaß im Auswärtigen Amt*. München: Oldenbourg Verlag, 2012; *Lüdiche L. Constantin von Neurath. Eine politische Biographie*. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh GmbH, 2014; *Happel J. Der Ost-Experte: Gustav Hilger — Diplomat im Zeitalter der Extreme*. Paderborn: De Gruyter, 2018; *Schmidt-Klügmann A. Bernhard Wilhelm von Bülow (1885–1936). Eine politische Biographie*. Paderborn: Brill, 2020.

ветской внешней политике, а что касается историков в целом, то у них имеются только общие представления о советской дипломатии 1930-х годов. Кроме народных комиссаров западным историкам известны, как правило, имена только двух советских послов: Александры Коллонтай (1872–1952), потому что она женщина, и Ивана Майского (1874–1952), потому что он вел дневник, который был опубликован также на Западе²⁹. Жаль, что имена других советских дипломатов, в том числе и принадлежавших к среднему звену, практически никому не известны. А ведь они тоже были людьми высокопрофессиональными: я имею в виду, прежде всего, Штерна, Бессонова, Виноградова, Гнедина.

Изучая новое документальное издание, можно выявить различия между двумя аппаратами внешнеполитических ведомств — немецким и советским. Однако для меня гораздо более очевидно их сходство, причем не только сходство работы в условиях тоталитарных систем, но и сходство бюрократических аппаратов, функционировавших на транснациональном уровне и потому относительно более устойчивых в столкновении с чрезмерными идеологическими требованиями. Самое трудное — это определить степень независимости внешнеполитического аппарата от руководства государства, от «Инстанции», то есть от Сталина. Конечно, у нас слишком мало документов, чтобы сделать полностью достоверные выводы. Очевидно, что Сталин, по сути, позволял Наркоминделу действовать довольно самостоятельно и лишь иногда занимал более прогерманскую позицию. Однако из документов второго тома следует, что в случае с Канделаки использовалась другая стратегия³⁰.

В заключение очень коротко о подготовке четырехтомного документального издания «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов». К настоящему времени опубликованы первые два тома, которые содержат 1256 преимущественно архивных, впервые введенных в научный оборот документов. В настоящее время идет интенсивная работа над третьим томом, который должен выйти в свет в первой половине 2022 г. Насколько широк будет круг заинтересованных в этом издании историков? Однозначно ответить на такой вопрос, особенно человеку, уже более десяти лет вовлеченному в подготовку этого издания, совсем не просто. Ведь нередко бывает, что интерес распознается и пробуждается лишь со временем. Впрочем, об одном уже сейчас можно говорить с полной уверенностью. Благодаря введению в научный оборот большого массива документов из российских и германских архивов историки разных

²⁹ См.: Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. / отв. ред. А.О. Чубарьян; сост. Л.В. Поздеева и др. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 1934 — 3 сентября 1939 г.; *Majskij I.M. Memoiren eines sowjetischen Botschafters*. Berlin: Dietz, 1967; *Idem. Die Maiski-Tagebücher: ein Diplomat im Kampf gegen Hitler 1932–1943*. München: C.H. Beck, 2016.

³⁰ См.: Случ С.З. Германия и СССР 1933–1939: от программной установки до тактической уловки // *Славяноведение*. 2019. № 5. С. 37–57.

стран, причем не только специалисты по советско-германским отношениям, смогут проводить исследования по весьма широкому кругу вопросов, связанных с международными отношениями 1930-х — начала 1940-х годов, чрезвычайно важных для понимания причин и механизмов, приведших ко Второй мировой войне.

Литература

- Вульф Д.* О сотрудничестве немецких и советских историков в годы национал-социалистической диктатуры в Германии. Размышления на базе новых документов // Международный диалог историков. Россия и Германия: опыт межкультурного взаимодействия. 1990–2020: материалы Международной научной конференции (г. Липецк, 24–25 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н.Э. Вашкау. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 76–93.
- Ватлин А.Ю.* Германская дипломатия и «немецкая операция» НКВД 1936–1938 годов // Российская история. 2013. № 1. С. 180–204.
- Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
- Роцин А.* НКВД в 30-е годы // Дипломатический ежегодник / под ред. С.К. Романовского. М.: Международные отношения, 1995. С. 195–212.
- Сизоненко А.И.* Полпред СССР Я.З. Суриц // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 100–117.
- Случ С.З.* Германия и СССР 1933–1939: от программной установки до тактической ловушки // Славяноведение. 2019. № 5. С. 37–57.
- Соколов В.В.* Н.Н. Крестинский — революционер, дипломат (1883–1938) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 120–142.
- Соколов В.* Наркоминдел Максим Литвинов // Международная жизнь. 1991. № 4. С. 107–122.
- Соколов В.В.* Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 167–183.
- Соколов В.В.* Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 102–121.
- Шейнис З.С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Издательство политической литературы, 1989.
- Das Auswärtige Amt in der NS-Diktatur / hrsg. von J. Hürter, M. Mayer. Berlin; München: De Gruyter Oldenbourg, 2014.
- Bürgerl M.* Als trotzkistischer Verschwörer an der sowjetischen Botschaft in Berlin: der “Bucharinist” Sergej Bessonov und der dritte Moskauer Schauprozess // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2016. S. 57–74.
- Dullin S.* Litvinov and the People’s Commissariat of Foreign Affairs: the Face of an Administration under Stalin, 1930–39 // Russia in the Age of Wars 1914–1945 / ed. by S. Pons, A. Romano. Milano: Feltrinelli, 2000. P. 121–146.
- Ericson III E.E.* Karl Schnurre and the Evolution of Nazi-Soviet Relations, 1936–1941 // German Studies Review. 1998. Vol. XXI. N 2. P. 263–283.
- Graml H.* Bernhard von Bülow und die deutsche Außenpolitik: Hybris und Augenmaß im Auswärtigen Amt. München; Oldenbourg Verlag, 2012.
- Happel J.* Der Ost-Experte: Gustav Hilger — Diplomat im Zeitalter der Extreme. Paderborn: De Gruyter, 2018.

- Kaul N.* Die deutsch-sowjetischen Beziehungen im Spiegel der Deutschen Botschaft Moskau 1934 bis 1939: “Es ist hier doch immer der Teufel los!”. S. l.: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.
- Knoll V.* Das Volkskommissariat für Auswärtige Angelegenheiten im Prozeß außenpolitischer Entscheidungsfindung in den zwanziger und dreißiger Jahren // Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik / hrsg. von L. Thomas, V. Knoll. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 73–155.
- Kocho-Williams A.* Russian and Soviet Diplomacy 1900–39. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave–McMillan, 2012.
- Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus // Geschichte und Gesellschaft. 2001. H. 4. S. 394–423.
- Linke H.G.* Schicksalsgemeinschaft? Die Sowjetunion im politischen Kalkül der deutschen Botschafter in Moskau 1922–1941 // Stürmische Aufbrüche und Enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit / Hrsg. von K. Eimermacher, A. Volpert unter Mitarbeit von G. Bordjugov. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 163–208.
- Lüdicke L.* Constantin von Neurath. Eine politische Biographie. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH, 2014.
- Schmidt-Klügmann A.* Bernhard Wilhelm von Bülow (1885–1936). Eine politische Biographie. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH; Brill Deutschland, 2020.

References

- Bürgel, M., 2016. Als trotzkistischer Verschwörer an der sowjetischen Botschaft in Berlin: der “Bucharinist” Sergej Bessonov und der dritte Moskauer Schauprozess. *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung*, pp. 57–74.
- Dullin, S., 2000. Litvinov and the People’s Commissariat of Foreign Affairs: the Face of an Administration under Stalin, 1930–39. In: Pons, S., Romano, A., eds, 2000. *Russia in the Age of Wars 1914–1945*. Milano: Feltrinelli, pp. 121–146.
- Dullin, S., 2009. *Stalin i ego diplomaty: Sovetskii Soiuz i Evropa, 1930–1939 gg.* [Stalin and his diplomats: the Soviet Union and Europe 1930–1939] Moscow: ROSSPEN.
- Ericson III, E.E., 1998. Karl Schnurre and the Evolution of Nazi-Soviet Relations, 1936–1941. *German Studies Review*, XXI (2), pp. 263–283.
- Graml, H., 2012. *Bernhard von Bülow und die deutsche Außenpolitik: Hybris und Augenmaß im Auswärtigen Amt*. München: Oldenbourg Verlag.
- Happel, J., 2018. *Der Ost-Experte: Gustav Hilger — Diplomat im Zeitalter der Extreme*. Paderborn: De Gruyter.
- Hürter, J., Mayer, M., eds, 2014. *Das Auswärtige Amt in der NS-Diktatur*. Berlin; München: De Gruyter Oldenbourg.
- Kaul, N., 2016. *Die deutsch-sowjetischen Beziehungen im Spiegel der Deutschen Botschaft Moskau 1934 bis 1939: “Es ist hier doch immer der Teufel los!”*. S. l.: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Knoll, V., 2000. Das Volkskommissariat für Auswärtige Angelegenheiten im Prozeß außenpolitischer Entscheidungsfindung in den zwanziger und dreißiger Jahren. In: Thomas, L., Knoll, V., eds, 2000. *Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, pp. 73–155.

- Kocho-Williams, A., 2012. *Russian and Soviet Diplomacy 1900–39*. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave–McMillan.
- Lehmkuhl, U., 2001. Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus. *Geschichte und Gesellschaft*, 4, pp. 394–423.
- Linke, H.G., 2006. Schicksalsgemeinschaft? Die Sowjetunion im politischen Kalkül der deutschen Botschafter in Moskau 1922–1941. In: Eimermacher, K., Volpert, A., Bordjugov, G., eds, 2006. *Stürmische Aufbrüche und Enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit*. München: Wilhelm Fink Verlag, pp. 163–208.
- Lüdicke, L., 2014. *Constantin von Neurath. Eine politische Biographie*. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH.
- Roshchin, A., 1995. NKID v 30-e gody [The NKID in the 1930s]. In: *Diplomaticheskii ezhegodnik* [Diplomatic Yearbook]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 195–212.
- Schmidt-Klügmann, A., 2020. *Bernhard Wilhelm von Bülow (1885–1936). Eine politische Biographie*. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH; Brill Deutschland.
- Sheinis, Z.S., 1989. *Maksim Maksimovich Litvinov: revoliutsioner, diplomat, chelovek* [Maksim Maksimovich Litvinov: a revolutionary, diplomat and man]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Sizonenko, A.I., 1991. Polpred SSSR Ia.Z. Surits [The USSR Minister Ia.Z. Suritz]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 3, pp. 100–117.
- Sluch, S.Z., 2019. Germaniia i SSSR 1933–1939: ot programmnoi ustanovki do takticheskoi ulovki [Germany and the USSR in 1933–1939: from a programme statement to a tactical trick]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 37–57.
- Sokolov, V., 1991. Narkomindel Maksim Litvinov [People's Commissar of Foreign Affairs Maksim Litvinov]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 4, pp. 107–122.
- Sokolov, V.V., 1989. N.N. Krestinskii — revoliutsioner, diplomat (1883–1938) [N.N. Krestinskii — a revolutionary and diplomat]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 5, pp. 120–142.
- Sokolov, V.V., 2006. Deiatel'nost' sovetskogo posol'stva v Berline. 1918–1941 gody [Activity of the Soviet embassy in Berlin 1918–1941]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2, pp. 102–121.
- Sokolov, V.V., 1997. Tragicheskaiia sud'ba diplomata G.A. Astakhova [The tragic destiny of the diplomat G. Astakhov]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1, pp. 167–183.
- Vatlin, A.Iu., 2013. Germanskaia diplomatiia i “nemetskaia operatsiia” NKVD 1936–1938 godov [German diplomacy and the “German operation” of the NKVD in 1936–1938]. *Rossiiskaia istoriia*, 1, pp. 180–204.
- Vul'f, D., 2019. O sotrudnichestve nemetskikh i sovetskikh istorikov v gody natsional-sotsialisticheskoi diktatury v Germanii. Razmyshleniia na baze novykh dokumentov [On the cooperation of German and Russian historians in the years of national-socialist dictatorship in Germany. Reflections on the basis of new documents]. In: Vashkau, N.E., ed., 2019. *Mezhdunarodnyi dialog istorikov. Rossiia i Germaniia: opyt mezhkul'turnogo vzaimodeistviia. 1990–2020: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Lipetsk, 24–25 okt. 2019 g.)* [International dialogue of historians. Russia and Germany: experience of intercultural interaction. 1990–2020: proceedings of the international scientific conference (Lipetsk, October 24–25, 2019)]. Lipetsk: LGPU imeni P.P. Semenova-Tian-Shanskogo, pp. 76–93.